Чтобы оценить способности человека, нужно внимательно наблюдать и слушать его или же читать на свежую голову, без пристрастия, предубеждения и энтузиазма. Способности возникают как плоды нашего опыта. Человек обладает способностью лишь постольку, поскольку он надлежащим образом развивает свой интеллект, но он наделен способностью мыслить только в той мере, в какой ему предустановлено обладать ею. Оценить интеллект гораздо труднее, чем способности. В последнем случае достаточно рассматривать человека во всех его качествах без различия между ними, в то время как в первом нужно анализировать, исследовать развитие его интеллекта, определяя его границы и проверяя фактами его память. Надобно, наконец, различать то, что присуще ему самому, от того, что он счел благоразумным позаимствовать и более или менее искусно смешать с тем, что ему присуще.

Эта схема составлена лишь для того, чтобы представить степени человеческого интеллекта, полностью очищенного от приобретенных знаний. Без этого нельзя понять то, что Людовик XIV, который царствовал с такой славой, помещается в Сфере рассудка, тогда как мадам де Севиньи, которая покорила всего два или три нежных сердца, блистает в Сфере духа. Как можно было бы без этого сохранять столь четкую дистанцию между интеллектом, присущим Монтекукули, Тюренну и принцу Евгению, трем воителям первого порядка, второй из которых считается даже мудрейшим из полководцев?

В этой классификации не принимаются в расчет ни разница в роде занятий, ни большее или меньшее различие в знаниях каждого; и то и другое ни в чем не касаются природных различий; речь же идет здесь именно о них одних.

В ней выделены крупными буквами имена наиболее рассудительных людей, которые замкнули круг свойственной им прирожденной Сферы. Те, кому присущи внезапные вдохновения души и воображения, отличены простым словом «гений». Одной, двумя или тремя звездочками обозначены те, кто более или менее часто покидает свою Сферу, что всегда представляет собой заблуждение, безрассудство или глупость.

К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ Г Г ШПЕТА «ИСТОРИЯ КАК ПРЕДМЕТ ЛОГИКИ»

А. А. Яковлев

Статья Густава Густавовича Шпета (1878—1940), выдающегося деятеля русской и советской философской науки, написана в 1917 г. и опубликована в 1922 г. (Научные известия. 1922. № 2. С. 1—35). Это издание стало сегодня библиографической редкостью.

Почти все произведения мыслителя объединены стремлением решить одну общую задачу, придающим его исследованиям харак-

тер целостного философского учения, — стремлением поставить вехи на пути создания особой философской дисциплины, сродни теории познания, однако избавляющей последнюю от методологической и психологической узости. В центр философского мировоззрения, по мысли Шпета, до́лжно поместить идею об истории как основополагающей для человеческого опыта науке, как наиболее полном и неотвлеченном предмете познания. История — фундаментальная эмпирическая наука, тем самым она образует подлинно значимую *проблему* для философии, в частности для философской логики.

Провозглашенные идеи и темы — дело одно, а их реализация — дело, как слишком хорошо известно, совершенно другое. В наши дни особенно часто провозглашается, что «историзм» является краеугольным камнем теории познания, истории науки и всего комплекса, называемого науковедением, а иногда философией науки. Но зададимся вопросом: реализуется ли такая установка в иных современных, судя по году выпуска, работах? Да, идея истории, принцип историзма, представление об «историческом» крайне медленно проникают в философию; пожалуй, только в последнее время окольным, кружным путем, через так называемую синергетику, что-то начинает брезжить и для штудий гносеологических. Пока же теория познания, видимо, все еще идет по экстенсивному пути — касаясь все новых и новых областей и умножая содержание, она мало заботится о собственном исследовательском аппарате, о своей *форме*.

Творчество Шпета интересно именно цельностью проведения захватившей его идеи истории, «исторического ви́дения», особого угла зрения: во всем творчестве мыслителя читатель видит развитие, раскрытие, разворачивание реконструктивного начала «идеи истории», и не только для теории познания, логики и других способов философской рефлексии, но и для *самого познания*. В работе Шпета «История как предмет логики» наряду с изложением некоторых общих идей показываются и место логики в исторической концепции философии, соотношение ее с онтологией, герменевтикой, эвристикой, ее статус и перспективы. В рассуждениях философа есть что-то оригинальное, еще до конца, видимо, не понятое, не осознанное. Труды Г. Г. Шпета конца 10-х — начала 20-х годов — неосвоенное идейное, философское богатство, которое еще предстоит включить в нашу философскую культуру, когда будут опубликованы фундаментальные трактаты мыслителя, хранящиеся ныне в архивах.

В этом году исполнилось 110 лет со дня рождения философа. Очень хочется надеяться, что его труды по достоинству оценят исследователи, и идеи, им высказанные, будут, возможно, подхвачены и развиты.